

Зеев Бар-Селла

ХМУРОЕ УТРО

Аркадию Х. Гольденбергу

Если не следовать объединительной тенденции и не смешивать культуру советскую (официозную) с культурой советского времени (внутренняя и внешняя эмиграция), следует признать: в том, что составляло славу культуры русской – литература – советская культура не преуспела. Были, однако, две области, не имевшие дооктябрьских аналогов – звуковой кинематограф и массовая песня, где достижения советской культуры неоспоримы. Эти две области стали не только знаками эпохи, но и ее самосознанием.

Несомненно, что превращением в массовую советская песня обязана прогрессу техники – радиовещанию и звуковому кино.

Признание этого бесспорного факта не избавляет от необходимости анализа текстовой составляющей, поскольку советская песня выполняла прежде всего пропагандистскую функцию.

Именно этот аспект (ориентация на массовое, т.е. коллективное сознание) соблазняет исследователей пытаться вскрыть более глубокий слой структуры объекта – коллективное бессознательное. Что и делает, например, Х. Гюнтер, объявляющий содержательным топом советской массовой песни архетип матери (на поверхностном уровне – Мать-Родина)¹.

Неэффективность такого подхода обусловлена не только издержками самого психоаналитического (или аналитико-психологического) метода (ответ на любой вопрос задан изначально), но и тем, что, сводя содержание текста к дремучей архаике, исследователь игнорирует культурное прошлое общества, в котором данный текст создан и обращается.

Предметом нашего рассмотрения станет популярнейшая довоенная песня братьев Покрасс на слова Б.С. Ласкина «Три танкиста», исполненная Николаем Крючковым в фильме «Трактористы»:

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят.

Там врагу заслон поставлен прочный,
Там стоит, отважен и силен,
У границ земли дальневосточной
Броневой ударный батальон.

Там живут – и песня в том порука –
Нерушимой крепкою семьей
Три танкиста, три веселых друга –
Экипаж машины боевой.

На траву легла роса густая,
Полегли туманы широки.
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.

Но разведка доложила точно –
И пошел, командою взметен,
По родной земле дальневосточной
Броневой ударный батальон.

Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня.

---

¹ Гюнтер Х. Поющая родина (Советская массовая песня как выражение архетипа матери) // Вопросы литературы. 1997. № 4.

И летели наземь самураи
Под напором стали и огня.

И доби́ли – песня в том порука –
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста, три веселых друга –
Экипаж машины боевой!

Принято считать, что поводом к написанию песни послужил реальный эпизод: в июне 1938 года, когда японские войска перешли советскую границу и начались бои на озере Хасан, экипаж танка в составе В.М. Агаркова (командира машины), Н. Дитенева и С. Руманцева направил Военному совету Дальневосточного фронта рапорт с просьбой послать их в бой. На XVIII съезде ВКП(б) этот рапорт был зачитан как пример мужества и преданности Родине. Именно об этом храбром и легендарном экипаже – В.М. Агаркова и его друзей – поэт Б. Ласкин и композиторы братья Покрасс написали свою знаменитую песню².

Здесь, по всей видимости, мы имеем дело с попыткой привязки конкретного события к уже существующей легенде, поскольку рапорт экипажа Агаркова предъявили делегатам съезда (а через прессу – и широкой аудитории) лишь в марте 1939 года, а фильм был снят уже в 1938-м.

И воспоминания самого Бориса Ласкина не позволяют говорить об иллюстрации конкретного образца:

«Шел 1938 год. Международное положение все больше и больше осложнялось. В воздухе пахло порохом, пахло войной. Германский фашизм с благословения англо-американского империализма начал оккупацией Австрии свои агрессивные действия. На Дальнем Востоке Японии, захватив Центральный Китай и Маньчжурию, сделала пробное провокационное нападение на границе нашей Родины. Нападение это, как известно, закончилось для самураев печально. Советские танкисты разгромили и полностью уничтожили несколько японских дивизий.

Один из этих героев-танкистов, участник знаменитой битвы у озера Хасан, и был задуман нами как основной герой будущего фильма...».

Да и требование режиссера Ивана Пырьева было сформулировано в самых общих словах: нужна песня, в которой нашла бы отражение тема обороны наших границ, подвиг славных героев-танкистов, участников боев на Хасане.

«Ясно? – спросил Пырьев и добавил тоном, не допускающим возражений, – песня должна быть готова завтра к часу дня <...>

Я сказал, что подумаю, и вышел от режиссера несколько растерянный. Мне никогда не приходилось бывать на границе, не видел я боевых действий наших танкистов, хотя в армии к тому времени уже успел отслужить и потому определенное представление об этом грозном роде войск у меня сложилось. События, происшедшие на Дальнем Востоке, в то время очень остро переживали все советские люди. Думал о них и я. И начали складываться строчки:

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят...»

С готовым текстом Ласкин отправился к братьям Покрасс, и –

«Этому трудно поверить, но песня была готова через 30–40 минут. Это был тот счастливый случай, когда слова и мелодия сразу нашли друг друга»³.

Вот так, если верить Ласкину, из предчувствий и общей взволнованности родилась песня.

Фабула – фольклорная, т.е. почти архетипическая: граница, «прочный заслон», то есть застава богатырская, короче – три богатыря...

Но ведь и с тремя богатырями не все так просто – например, на известном полотне В.М. Васнецова (1898) Илья Муромец обнаруживает (никем, кажется, не отмеченное, но несомненное) портретное сходство с императором Александром III Миротворцем.

² Государственные архивы РФ, хранящие фотодокументы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.;

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Описание коллекции <<http://rusarchives.ru/state/orenbyrg.shtml>>.

³ Самарский военно-исторический клуб. «Три танкиста» (СССР, 1938 год) <<http://waracademy.narod.ru/music/tt.htm>>.

Вполне возможно поэтому допустить, что и строчки «Трех танкистов» тоже складывались не сами собой... Особенно – первая:

На границе тучи ходят хмуро...

Сравним:

Носороги топчут наше дурро...

Николай Гумилев, «Абиссинские песни», песнь 1-я – «Военная». Опубликовано в коллективном сборнике «Антология» (М., 1911), а затем – в авторском сборнике «Чужое небо» (СПб, 1912):

Носороги топчут наше дурро,
Обезьяны обрывают смоквы,
Хуже обезьян и носорогов
Белые бродяги итальянцы.

Первый флаг забился над Харраром,
Это город раса Маконена,
Вслед за ним проснулся древний Аксум
И в Тигрэ заухали гиены.

По лесам, горам и плоскогорьям
Бегают свирепые убийцы,
Вы, перегрызающие горло,
Свежей крови вы напьетесь нынче.

От куста к кусту переползайте,
Как ползут к своей добыче змеи,
Прыгайте стремительно с утесов –
Вас прыжкам учили леопарды.

Кто добудет в битве больше ружей,
Кто зарежет больше итальянцев,
Люди назовут того ашкером
Самой белой лошади негуса.

Нетрудно заметить, что – за исключением первой строки – специфических сходжений между двумя текстами не обнаруживается. Быть может отмеченное сходство случайно? Едва ли... Кроме песни «Три танкиста» герои фильма «Трактористы» распевали еще одну – одного из братьев Покрасс (Дмитрия) на слова все того же Бориса Ласкина:

Марш советских танкистов

Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужеством полны.
В строю стоят советские танкисты –
Своей великой Родины сыны.

Припев:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет.

Заводов труд и труд колхозных пашен,
Мы защитим, страну свою храня,
Ударной силой орудийных башен
И быстротой, и натиском огня.

Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде,

Мы начеку, мы за врагом следим.
Чужой земли мы не хотим не пяди,
Но и своей вершка не отдадим.

А если к нам полезет враг матерый,
Он будет бит повсюду и везде.
Тогда нажмут водители стартеры
И по лесам, по сопкам, по воде.

Припев:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет.

Сходство и здесь обнаруживается лишь в одной строке – и тоже маркированной – заключительной, образуя тем самым «рамочную» конструкцию заимствования:

По лесам, горам и плоскогорьям
Бегают свирепые убийцы,

Тогда нажмут водители стартеры
И по лесам, по сопкам, по воде.

Замена «гор» на «сопки» вносит в песню необходимый дальневосточный колорит, а появление «воды» на месте «плоскогорий» продиктовано, с одной стороны, географией, а с другой, указывает, что Красную Армию не остановят и водные преграды (пограничный Амур).

Возникает естественный вопрос: чем объясняется обращение советского поэта к творчеству белогвардейца-заговорщика, единственного, кого «Литературная энциклопедия» назвала «подлинным выразителем отцветшего, не успев расцвести, российского империализма»⁴?

Неужели семимесячная итало-абиссинская война 1935–36 гг. сделала данные гумилевские стихи созвучными новой эпохе? Но ведь после них Гумилев успел пропеть еще и восторженную оду идеологу итальянского империализма Габриэлю д'Аннунцио (сб. «Колчан», 1915; ранее: «Биржевые ведомости» от 15 мая 1915 г.), что – уже с именованием д'Аннунцио «провозвестником итальянского фашизма» – Гумилеву совсем недавно вновь припомнили⁵!

А как тогда расценить опубликованное 22 августа 1937 года в «Правде» (!) стихотворение В.И. Лебедева-Кумача?

Вот первая строфа:

По широким воздушным просторам
Необъятной советской земли,
Подчинясь веселым моторам,
Днем и ночью летят корабли.

А это оригинал 1909 года:

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Даже от названия гумилевского стихотворения Лебедев-Кумач не захотел отказаться – он его лишь дополнил: «Капитаны *воздушных морей*».

Идем дальше – строфа 2-я:

Не задержат их крыльев могучих
Цепи гор и безмолвие льдов,
Побеждают и мели и кручи

⁴ Определение дано Осипом Бескиным в посвященной Н.С. Гумилеву статье «Литературной энциклопедии» (т. 3, 1930).

⁵ Волков А.А. Поэзия русского империализма. М.: Гослитиздат, 1935. С. 186.

Капитаны воздушных судов.

А вот 2-я строфа у Гумилева:

Быстрокрылых ведут капитаны
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель.

Выданные у Гумилева «крылья» («быстрокрылых») и «капитаны» отмечаем сразу. А вот то, что изобличает уже не подражание, а списывание: «мели».

У Гумилева они к месту: «мелям» противопоставляются «мальстремы» (согласно Эдгару По, гигантский водоворот, затягивающий несчастные корабли). А какие мели могут быть в воздушном океане?!

Что вдруг сделало стихи Гумилева предметом (пусть и негласным) вдохновения советских поэтов?

Попробуем, оставаясь в тех же временных пределах, расширить литературный контекст.

В первом номере журнала «Знамя» за 1938 году была опубликована поэма Константина Симонова «Ледовое побоище», сразу прославившая своего автора.

Место действия Псков, временных координат две: 1918 и 1240-42 годы. И показано, что ничего принципиально отличного в жизни псковичей за 700 лет не произошло: в XII веке была разруха и в 1918 тож. И причина все та же – немецкое нашествие. А о том, что в 1918 году на Руси была советская власть – ни звука. Было и есть лишь одно: исконная, испокон веков борьба русских с германским племенем. И никакой борьбы классов! А закончится это лишь тогда, когда русская армия возьмет Берлин. Вот так.

Нынче высказывается мнение об исключительном мужестве Константина Симонова, напомнившего властителям СССР о тысячелетней русской истории и провидевшего грядущую войну с Германией.

Но тогда надо признать отчаянными храбрецами и всю редакцию журнала «Знамя», и всех критиков, открыто ее приветствовавших, и всех цензоров, пропустивших такое сочинение в печать.

Не проще ли предположить, что инициатива данного идеологического поворота исходила от властей? Ведь ровно столько же коммунистической идеологии и такой же взгляд на вещи мы обнаружим и в эйзенштейновском «Алекサンドре Невском», вышедшем в том же самом 1938 году и увенчанном Сталинской премией.

К чему же понадобилась тайная реанимация Гумилева? Ведь патриотической поэзии и без него хватает. А Гумилев как раз в патриотической лирике ничем себя особо не проявил...

И вот Георгий Владимов заявляет, что в предвоенных советских стихах и песнях не было никакой воинственности и агрессивности. И доказывает это с текстами в руках:

«Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Катюша о чем просит своего «сизого орла»? «Пусть он землю бережет родную». А что у нас в пропеллерах дышит? «Спокойствие наших границ». А как там наша броня? «Броня крепка и танки наши быстры», так что «заводов труд и труд колхозных пашен мы защитим». Если и слышится угроза, то это «если в край наш спокойный хлынут новые войны»... ну тогда мы «песню споем боевую», и то – оборонного свойства: «встанем грудью за родину свою». Так не готовят нацию к вторжению в чужеземье»⁶.

Существует могучее искушение рассматривать советскую эпоху как единый 70-летний блок. Что вряд ли справедливо. Несомненно, некоторые константы нетрудно обнаружить, но советское общество в духовном отношении отнюдь не представляло собой стоячего болота, а идеологические парадигмы менялись в нем многократно.

И в высказывании Г. Владимова привычно смешаны «Авиамарш» Павла Германа (более известного под псевдонимом Эмиль Кроткий) – ответ на «ультиматум Керзона» (1923), «Марш веселых ребят» Василия Лебедева-Кумача (1934), «Конармейская» Алексея Суркова (1936) и три песни 1938 года – «Катюша» Михаила Исаковского, «Три танкиста», «Марш советских танкистов».

⁶ Владимов Г. Была ли та война Отечественной? // Московские новости. 1999. № 5.

Три последних инспирированы боями на озере Хасан и вполне вписываются в мифологему границы как рубежа между Добром и Злом⁷, Светом и Тьмой, этим и тем светом, сформировавшуюся достаточно рано («...заграница – это миф о загробной жизни. Кто туда попадает – тот не возвращается» – Ильф и Петров «Золотой теленок», 1931) и с годами лишь набиравшую силу.

Но генезис у трех этих песен разный, потому что в фильме «Трактористы» прогремел голос из будущего – наступающего 1939 года, года 4-го раздела Польши и войны с Финляндией. И из будущего еще более далекого – 1940-го: аннексии Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Буковины.

И что тогда значит «свое» и «чужое»? Ведь Польша – не заграница, а «своя» земля! И ни одного ее вершка мы никому не отдадим!

Советский Союз восстанавливал свою имперскую целостность. И стихи Бориса Ласкина обозначили один из микроэтапов на большом историческом пути. А этой новой России стало страшно обидно и за российский империализм, «отцветший, не успев расцвести», и за его «подлинного выразителя».

Естественно возникает вопрос: отчего исполнение столь важного задания поручили 24-летнему Ласкину, ничем себя до того не зарекомендовавшему?

Можно предположить, что протекцию ему оказал Константин Симонов, до 1940 года женатый на родной сестре Ласкина – Евгении.

Симонов показал и то, как трансформировать одни идеологемы в другие, диаметрально противоположные. Поэма «Ледовое побоище» завершается цитатой:

«И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей».

Как будто бы все прилично – «Интернационал». Но ни в цитате, ни в поэме нет ничего ни о голодных, ни о рабах... Да и «Интернационал» в 1938 году – это не партийный гимн, а государственный.

И в таком качестве, став заключительным аккордом поэмы, он из «Интернационала» превращается в «Национал». Даже без эпитета – «социалистический».

---

⁷ Паперный В.Б. Культура Два / Изд. 2-е, испр., доп. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 78.